

Проснувшись, я стал на семь лет моложе.

Растерянностью и близко не описать моё состояние в тот момент. Мои лёгкие хрипели, требуя воздуха. Я сделал долгий, глубокий вдох, наконец открыв веки, за которыми меня вверху встретил тёмный потолок. Присев, я облакотился на стену. Меня уютно обнимали мягкие простыни и придерживала кучка подушек. Всё неправильно.

Ничего этого не должно быть здесь. Меня не должно быть здесь. Я чувствовал слабость и замешательство. Мой мозг всё ещё приходил в себя, силясь собрать находящееся перед глазами в цельную картину.

В комнате царил чуть ли не крошечная тьма — в моей комнате, напомнил я себе. Это моя комната. Единственным источником света служил уличный фонарь возле дома, светящий сквозь зашторенное окно. По полу тянулись длинные тёмные тени, разделявшиеся в комнате сегментами цвета, которые только подчёркивали темноту, заполнявшую каждый уголок. Всё выглядело таким знакомым — в точности таким, как я помню, когда покинул её, как будто я только пробудился от сна.

Это всё было сном?

Странное чувство заполнило воздух — то, которое я не слышал уже целую вечность. Еле слышимый гул и потрескивание электричества. Мой компьютер. Настоящий электронный ПК. Я не выключил его той ночью. Когда мы ушли, я переписывался с кем-то... Её лицо промелькнуло у меня в сознании, но лишь расплывчатая его форма — очертания, которые не получалось собрать воедино. Мы не разговаривали уже целую вечность. Или, может быть, всего ничего, допустил я.

Я вылез из кровати и поспешил к компьютеру, а когда сел в кресло, оно откатилось. Забыл, что оно было на колёсиках. Я застучал по пробелу, нетерпеливо закладывая кнопку. Дешёвая машина, я его взял подержанным у Карла, и всегда приходилось подождать перед тем, как он проснётся. Я его даже не выключал, а мне всё равно пришлось ждать, пока диски внутри оживлённо загрохочут, а кулеры — снова закрутятся. Монитор издал резкий треск, наконец придя в жизнь, а его цвета постепенно прояснились по мере прогрева подсветки.

Прямо в углу экрана, то что мне нужно. 01:32 утра, шестое октября 2010. Среда.

Теперь я ещё больше запутался. Прошло ведь много лет, разве нет? Я поднёс руку к лицу, очень осторожно. Чего-то не хватает. Всё такое гладкое и незнакомое. Это уже не моё лицо — не то, каким я его запомнил. Тут же пришло чувство, что мои руки и ноги стали намного

слабее.

Неужели всё это был сон? Вызывающие тошноту, ужас практически десять лет моей жизни — целиком и полностью случайная причуда, которую мой мозг создал за ночь? Все те стычки не на жизнь, а на смерть, приключения, предательства, романы? Длющиеся годами кампании и сражения? Да как такое возможно?

Я развернул окно браузера. Всё ещё трудно было припомнить, чем именно мы занимались той ночью. Осталось понадеяться на то, что старый я не чистил за собой, оставив зацепки, который сможет последовать наученный следопыт. Электронные зацепки, на этот раз, но по сути — одно и то же. Ничего другого я не придумал, что можно было бы посчитать за запись происходившего так много лет назад...

Нет, это было всего вчера ночью. Прошла только пара часов — теперь надо это запомнить.

На нём всё ещё была открыта карта Парка Сиравейл. Это мы помним. Я тогда отвёз нас на грузовике, который папа мне оставил в тот день, когда пропал. Я подобрал наших друзей и после этого мы припарковались на краю леса. Мне не хотелось ехать, но энтузиазм Блейка оказался заразителен. Перед этим он увидел там что-то, поэтому нам тоже нужно было посмотреть. Джен, которая слушала нас снизу, уговорила меня поехать.

После этого Блейк заметил, как в деревьях мелькнула тень, и мы пошли следом.

Блейк помчался через лес, а мы следовали за ним, стараясь не отставать. А он всё не переставал оборачиваться и кричать нам, чтобы мы следовали за ним по дороге, которую видел только он. Прямо как когда мы играли вместе в бол, а Блейк постоянно мчался вперёд игры. Он всегда был на пять шагов впереди того, где нужно было быть.

Когда мы перенеслись, он остался таким же... разве что теперь это пошло на пользу. Он всегда оказывался на пять шагов впереди врага, делал всё то, чего никто другой не посмеет. Не в одной битве я использовал его безумие ради того, чтобы одержать победу.

Что из этого на самом деле произошло? Что на самом деле правда?

Мой разум захлестнуло ещё больше воспоминаний, а вместе с ними — ползучий яд ужаса. Тяжесть того, что я сделал, начала сдавливать моё сознание с большей силой, грозясь раздавить меня полностью. Я превратился в ужасное создание. Мне приходилось принимать решения, в которых на волоске висели жизни сотен, тысяч, десятков тысяч. Приносил в жертву товарищей, терял друзей. Я подошёл к тому краю, на котором потерял бы всё. Всех. Мы едва справились. Я ненавижу то, что делал и кем стал.

Был ли какой-то выход?

Вот и пришёл ответ. Такой простой, такой лёгкий ответ, что я рассмеялся в голос. Теперь я дома. Я в безопасности. Никто больше за мной не охотится. Меня даже никто не знает по сути. Никто здесь не узнает того, что я делал. Или не делал вообще, если на то пошло.

Передо мной раскинулась прекрасная, золотая дорога, и я могу ступить на неё без промедлений. Без сожалений. Наконец-то появилась возможность вернуть жизнь в нормальное, простое место, которому она принадлежит. Больше никаких сражений — просто обычная жизнь. Я могу тусоваться с друзьями, играть в баскетбол, хоть раз дать другим взять всё в свои руки. Мне нужно всего одно — забыть.

И прямо как я об этом подумал, на мои плечи опустилась тяжесть. Я закрыл на экране карту в Сиравейл, символически полностью его вытерев. Открылась другая вкладка браузера, где висела моя переписка с какой-то девушкой. У неё было спокойное лицо, сдержанное выражение на нём, как будто за своей улыбкой она постоянно что-то скрывает; но в её глазах виднелась дружелюбная интеллигенция, которая прямо просит тебя ловить каждое слово, которое она говорит, даже если слова её немногочисленны и редки. Она обладала тёплым и увлечённым голосом — таким, который вселяет дух в армии, чтобы они шли на войну.

Тогда мы разговаривали в чате, куда она пригласила меня за несколько дней до этого. Пролистав беседу, я заметил мою непринуждённость и расслабленность. Я уже забыл, как так разговаривать. В это время всё либо уже готово и чётко расписано для суда, либо сводится к вдохновенным импровизированным речам в пылу сражения. Уже и не помню, как просто разговаривать с человеком один на один.

Я пожал плечами. Разберусь. Мы с ней разговаривали всего пару раз лично, к тому же обычно рядом тогда были её друзья. Если что, всё можно будет перевести в шутку или позволить вести разговор ей. Я справлюсь.

Должен справиться. Всё придёт в норму. Всё-таки вчера ночью ничего не происходило. Моя жизнь абсолютно нормальна. Я — самый обыкновенный парень, простой ученик старшей школы. Ничего больше.

Я снова поставил компьютер на сон. После заключил, что последую его примеру: всё-таки мне завтра утром в школу. Учитывая всё остальное, звучит предельно легко. Уже практически жду суету старых-добрых занятий. Когда я уже собирался снова запрыгнуть в кровать, снизу до меня донёсся какой-то шорох. Кто-то двигается. Моя мама, предположил я, снова пришла поздно после работы. Прийти для неё поздно не было редкостью, но у меня резко возникло желание её обнять. Я сильно скучал по ней.

Уже совсем забылось, как холодно было у нас дома, особенно так поздно ночью в октябре. Я вырыл из шкафа мою куртку. Мою любимую куртку. Я наслаждался тем, какая она мягкая и тёплая. Ещё одно то, за чем я скучал много лет.

Часов, напомнил я себе. Прошло всего несколько часов.

Я открыл дверь, дёрнувшись, когда она издала громкий треск в знак протеста. Эта ручка всегда так делала, когда её полностью поворачивали, хотя обычно я всегда останавливался аккурат перед этим. Ещё деталь в список того, что мне нужно запомнить. Если так и дальше продолжится, придётся начать записывать. Я закрыл за собой дверь и пошёл вниз по лестнице, где только включился свет.

Спуск по лестнице растянулся на целую вечность. Каждый шаг я раздумывал, что мне сказать. Если вообще буду что-то говорить. Если придётся придумать оправдание, почему я не сплю так поздно, когда завтра школа, можно будет сказать, что я спустился попить. Не в мамином стиле злиться на нас за то, что мы не спим допоздна. Обычно она старается всё готовить, но этот вечер был из тех, когда я сам приготовил еды нам на троих, а её порцию оставил в холодильнике, ведь неизвестно, как поздно она придёт домой. Мне тогда не нравилось, что приходилось откладывать ей еду, а ещё что её постоянно нет и она нам не готовит.

Сегодня я намного сильнее благодарен ей за то, что она делала нам все те годы. Может, её и не было с нами на ужин пять дней в неделю, но какая разница, когда она пашет на двух работах в полную ставку, чтобы мы с сестрой были здоровы и могли ходить в школу? Вряд ли бы я смог сделать столько же. На той стороне я многому научился из готовки. На выходных я устрою ей настоящий пир — а сегодня напомним, насколько она на самом деле замечательная.

Я повернул за угол, рассчитывая увидеть мою мать, но из-за двери буфета, который она опустошала, выглядывала укрытая длинными карими волосами голова моей младшей сестры Дженнифер. Когда я зашёл, она удивлённо подняла взгляд. Из её руки вывалились кусочки кондитерки, рассыпавшись по полу. У меня серьёзно получилось подкрасться к ней незаметно, каким-то образом.

— Э-э... Привет, Джен, — неловко начал я.

— «Привет, Джен»? — медленно повторила она. — «Привет, Джен»? И всё?

— А ты рассчитывала услышать речь?

Джен нахмурилась:

— Нет, но... после всего этого...

— Всего чего?

У Джен отвисла челюсть, и на её зубах я заметил остатки того самого печенья. Я подмигнул. Её глаза стали размером с блюда.

— Ты... ты не помнишь?

Её слова были как молот. В то же время та стена, которую я так скоро соорудил, стала рассыпаться, но мне до сих пор хотелось всё отрицать. Даже если то будет всего на пару мгновений, мне хотелось остаться в этом блаженстве.

— Не помню чего?

— Боже, Метт. Ту доу эвв эррет капавас, вис дуралав.

— Доу наара капавас, Джен, — у меня изо рта сама собой вырвалась фраза на этолинском. На её оскорбление нужно было ответить, нельзя же просто так это оставить. Но, как только на её лице возник отпечаток удовольствия, я почувствовал, как построенное в столь короткий срок сооружение из неведения рассыпалось прямо вокруг меня, будто рухнувший форт.

Если Джен помнит... если она знает этолинский... тогда всё было настоящим.

Сиравейл был настоящим.

— Так и думала, — самодовольно ответила она. — Произношение у тебя до сих пор хреновое, кстати. — Она подобрала печенье с пола и запрыгнула на кухонную стойку, внимательно его изучив. Спустя пару секунд она вгрызлась в него, а её лицо просветлело: — Просто бомба. Метт, нам нужно купить их, типа, штук двести. Сейчас.

Я облокотился на холодильник, прижав руки ко лбу. Раздалась головная боль, будто барабаны выбивали крещендо прямо у меня в висках.

— Голова болит? — спросила она.

— Ага.

— Когда проснулся?

— Пару минут назад. А ты?

— Полчаса, наверное? Не бойся, это пройдет. Оп, сейчас будет, — добавила она, и тут же через мой мозг прошла огромная волна боли.

Было такое чувство, будто кто-то пытался разрубить мой череп пополам тупой секирой. Я со всей силы сжал ручку холодильника, казалось, готовый потерять сознание. Всё перед глазами исчезло, а свет кухни затянула пустота чёрного ужаса. Откуда-то сверху до меня, всё глубже погружающегося в забвение, донёсся слабый голос. Он звал меня, и мне так сильно хотелось ответить, но я мог лишь дальше падать. Я почувствовал стук, который вполне мог быть и слабым землетрясением — где-то в километрах, от которого меня до души продрали

мурашки.

Я вернулся в чувство. Снова появился свет. Я лежал на полу, глядя прямо на бледную гудящую лампочку. До меня донёлся запах шоколада. Дженнино печенье. Её лицо нависло в паре сантиметров от моего, пристально меня изучая. Только я открыл глаза, она тут же отодвинулась, освободив мне место.

— Ты норм, Мэтт?

Я прокашлялся, пытаюсь прочистить горло, в котором вдруг стало сухо и начало першить.

— Вроде. Нужно попить.

— Какие-нибудь предпочтения? Сильвандина не будет, но, может, смогу найти чего покрепче, если захочешь. Кажется, мама прячет такое на верхней полке в гараже.

Я выпрямил спину, благодарный тёплой, твёрдой стенке холодильника. Боль немного стихла, и ко мне стали возвращаться логика и здравый смысл.

— Джен, мы несовершеннолетние.

— Тебе двадцать пять, Мэтт.

— Нет, мне восемнадцать. Тебе шестнадцать. Не заметила?

Джен вздохнула:

— Ага... как будто мы и не пропадали.

— Ага.

Ни я, ни она ничего не говорили минуту. Я встал, начав шариться в шкафах, где в итоге нашёл бутылочку ибупрофена, а к нему вытащил пару таблеток. стакан воды, и вот моё самочувствие уже немного лучше. Я сел за кухонный стол, положив голову на стену, дожидаясь желанного эффекта.

— И почему я об этом не подумала, — под нос себе сказала Джен.

— А?

— Обезболивающие, — она протянула руку, и я передал ей бутылку. — Забыла совсем, что они существуют.

— Чудеса современной медицины, — тихо ответил я, в конце концов закрыв глаза. Боль всё ещё была чересчур насущной. Казалось, с каждым огромным стуком пульса мой мозг как будто пытался вырваться из черепной коробки. С улицы донёсся звук, как кто-то завёл машину, и ощущение было такое, будто он проносился по моим бараманным перепонкам в паре сантиметров.

У меня широко раскрылись глаза, когда ко мне пришло осознание услышанного.

— Джен, ты не можешь...

— Неа. Попробовала сразу же, когда эта мигрень появилась у меня. Никак.

Она со вздохом села напротив меня, принесла ещё два стакана с водой. Один она, поставив на стол, пододвинула ко мне, и я благодарно его выпил. Горло всё ещё сушило и зудело, и вода этому помогла лишь немного.

— Похоже, это не перенеслось.

Узнать, что Джен осталась без лечения, стало шоком. Оно было очень полезно. Если бы Джен не лечила Блейка, не позволяя тому убиться в процессе самых безбашенных его выпадов... мне бы пришлось формировать план с учётом такого ограничения.

Стоять. Нет, не пришлось бы. Этой части моей жизни пришёл конец. Если на то будет возможность, я больше никогда не попаду в ситуацию, где мне понадобятся её способности. Я проживу спокойную, обычную жизнь — во что бы то ни было.

— Кажется, у меня уже проходит, — заговорила она, выпив ещё воды. — Тебе тоже жутко хочется пить?

Хотя я опустошил целый стакан, мои рот и горло до сих пор походили на поверхность пустыни. Я кивнул.

— Ещё воды?

— Не откажусь, — я отодвинул свой стул к углу, где удобнее было лечь на стену, и сделал себе импровизированную подушку, смяв курточку и подложив её себе на плечо — прямо как я делал тысячу раз во время кампании. — Тебе всё равно как-то лучше, чем мне.

Джен пожала плечами, снова вернувшись с водой:

— Может, потому что у меня это дольше. Ещё я поесть успела.

— Печенья, — я нахмурился. — Нужно есть что-то более питательное.

— Ты знаешь, сколько я не ела ничего шоколадного?

— Да.

Джен вздохнула:

— Хвать унывать, Мэтт. Мы дома. У нас снова есть электричество. Водопровод! — Как по команде, на улице мимо проехал тяжёлый грузовик. Хлипкие окна в нашем доме слабо затрещали. — Машины, Мэтт. Автомобили! — она протянула последнее слово, каждый слог пронизывал восторг. — Самолёты, поезда, сушилки для волос. Шампунь. Боже, душ. Мэтт, мы снова можем сходить в душ.

— Я понял, понял, — я натянул улыбку на лицо. — Хорошо вернуться домой.

— Ну вот, — Джен улыбнулась. Она допила воду и выпустила довольный вздох. — Даже вода на вкус лучше.

— Так ведь у них просто фильтров не было.

— Ну, у сильвов были. У нас там стояла целая система, которой они...

Я перебил её:

— Фильтровал её магией. да. Ты уже говорила, — у меня не было желания слушать больше строго необходимого. Чем быстрее мы снова станем нормальными, тем лучше. Пока я буду ей потакать, но так не может продолжаться.

— Да. Обалденная штука, — добавила Джен, после чего вернулась к буфету в поисках ещё печенья. Моя головная боль постепенно стихала, тем самым освобождая больше сознательного мозга для обработки.

Мы сможем это сделать. Снова интегрироваться в мир. Сначала будет сложно — вспомнить, кем именно мы были семь лет назад. Видимых следов нашего путешествия не осталось, но есть столько мелочей, которых нам стоит остерегаться. Насколько могу судить, моё тело точь-в-точь такое же, каким было в ту ночь, когда мы перенеслись, как ни прискорбно. Я чувствую себя настолько слабее и меньше — хорошо подтянутые мускулы, которые я нарастил, исчезли за ночь. И тем не менее я помню всё то, чему меня обучили; каждое сражение, через которое я прошёл сквозь кровь. Если мне придётся драться, я смогу за себя постоять.

Впрочем, я не собираюсь вступать в драки. Я не был ни в одной до того, как мы перенеслись, и определённо не собираюсь организовывать бойцовский клуб теперь.

— Дашь мне печенья, будь добра? — попросил я. Джен кинула мне коробочку, и я зарылся внутрь неё. Она была права: я скучал за шоколадом не меньше неё. Коробка дешёвого печенья на вкус была просто божественна. Я съел треть печенья, с каждым кусочком осознавая, насколько же голоден.

Даже без просьбы Джен налила два стакана молока и принесла их к столу. Хотя за ней стоит репутация эгоцентричной сплетницы, Джен, которую знаю я, почти полная противоположность этого. Она очень внимательна, просто не всегда действует согласно этому. Мы ели в тишине, смакуя сладости. Джен продолжала бросать взгляды по комнате, как будто никогда ранее её не видела, вылавливая каждую деталь.

— Итак, — начала она, доев последнее печенье.

Я кивнул:

— Ты права, нужно купить их побольше.

— Сейчас есть более важный разговор, Мэтт.

Я вздохнул, отдавшись на произвол судьбы. Лучше обсудить это сейчас, чем потом, наверное, — но у Джен на уме были вовсе не события прошедшей недели.

— Это всё реально?

— Да.

— Откуда такая уверенность? — спросила она, посмотрев на меня с прищуром. — Как насчёт тех видений в Хельсваре?

— Помнишь пакт, который я заключил?

— Сельноу.

— Тогда должна знать не хуже меня: всё вокруг настоящее.

Джен кивнула:

— Ладно, хорошо. Наверное, та старая горгулья не врала.

— Мне кажется, ты хотела сказать «колдунья».

— Ты не знал её так, как её знала я, — с ухмылкой ответила Джен. — Итак... мы дома... — на её лицо наложила печать меланхолия, — навсегда.

У меня не было смелости ей возразить. К счастью, мне не пришлось, так как Джен вскочила со стула и метнулась в другую сторону кухни. Смущённый, я повернулся и увидел вспыхнувший телефон, собирающийся зазвонить. Джен подняла трубку аккуратно в тот момент, как звонок бы нарушил тишину и покой.

— Это Карл.

Ещё одного нежеланное развитие. Я приготовился к дальнейшей конфронтации:

— Можешь поставить на громкую связь?

— Добро, секунду, — Джен начала возиться с телефоном. — Блин. Не помню как.

— Что?

— Прошла уже куча времени, ладно? — она поднесла телефон к уху. — Здоров. Да, Карл, это я. Повиси пока. Да заткнись на секунду. Как включить громкую связь?.. Кнопка на... Окей, ага. — Она понажимала пару кнопок, и кухню заполнил тихий белый шум динамика. Джен положила телефон на стол. — Мэтт тоже тут.

Из динамика прохрипел голос Карла. Он старался слишком не шуметь, а не то мог бы разбудить своего темпераментного отца:

— Мы живы.

— Да ладно, Карл, — ответила Джен. — Пытаешься выпендриться?

— Завались, — я практически слышал, как у него краснело лицо по ту сторону телефона. — Мэтт, ты там?

— Здесь, — ужас заполнил мой разум, проносясь по нему, как будто в нём резко прорвало плотину. Я знал наверняка, что он скажет дальше.

— Вы связывались с Блейком?

Джен посмотрела на меня, у неё было мрачное лицо. Она ждала, пока отвечу я.

Я очень медленно покачал головой:

— Карл... — начал я.

— Погоди, выслушайте меня. Мы же вернулись без изменений, так? Так что, может быть...

Лучик надежды. Я не смел ему доверяться. Меня терзал страх, чем тот может обернуться и как скоро он угаснет. Нужно было перенять контроль, быстро.

— Пробовал ему звонить?

— У него нет телефона. Я пробовал зайти к нему домой, но никто не ответил. Снова пытаться не захотелось, а то могу разбудить кого-нибудь, — правда была за Карлом. Родители Блейка — милейшие люди в мире, и каждый раз, как мы тусовались у него, я завидовал его дому — однако его отец определённо не обрадуется, если его разбудят в два часа утра.

— Значит пока больше ничего не поделать.

— Но... — у Карла слегка поднялся голос, став громче.

— Карл, — резко перебил я его, — не забывай, где ты сейчас. Тебе восемнадцать. Сегодня ночь перед школой, дальше по коридору у тебя спит отец, — я попытался вложить в голос всё спокойствие, которое только смог собрать. Как и множество раз в прошлом, это сработало. Когда Карл заговорил снова, он общался тихо и приглушённо:

— Так что мы делаем дальше?

— Мы идём в школу. Встречаемся завтра в обед, прямо как и всегда. Джен, ты подсядешь к нам.

Джен кивнула:

— Ладно, Сара проживёт один обед без меня.

— Отлично. Карл?

— Да?

— Сирвейла не существует.

Настала тишина. Я ждал, понадеявшись, что Карл поймёт и последует без вопросов. Только так мы сможем пройти через всё это, чтобы нас не упекли в психушку: нам нужно влиться в жизнь, как будто мы никогда не пропадали. Никому ничего не рассказывать. Я с этим справлюсь. Джен, скорее всего, тоже — с небольшой помощью, но Карл изменился намного сильнее меня, и в обратном случае я бы был готов к такому испытанию. С новым Карлом? Если бы у него всё ещё был меч... я не был бы так уверен.

Он наконец-то ответил:

— Понял.

Я выпустил вдох, не осознавая, что его задержал. Джен заметила это, посмотрев на меня с интересом. Она ничего не сказала, оставив Карла в неведении.

— Ладно, тогда до завтра, Карл.

— До завтра, — согласился Карл. — Эй, Джен. Ты ещё там?

— Дов? — Джен прильнула к телефону.

— Вей сави илу доу, десв та нал эррет. Сильдей се валенда, селноу?

— ...Конечно, Карл, — Джен приняла немного стыдливый вид, но он тут же пропал. — Сделаю.

— Хорошо. Спокойной ночи, ребят, — телефон щёлкнул. Я внимательно следил за Джен, пока она убирала телефон, пытаясь увидеть у неё реакцию.

— Что это было? — спросил я. Я лишь отдалённо понял слова Карла, так как не учил язык так, как его учил он — всего пара полезных фраз (и парочка оскорблений), и, разумеется, ни он, ни я даже не приблизились к Джен.

— Что? Друг не может проявить доброту и побеспокоиться обо мне? — ответила она.

— Лааадно, забудь, что спрашивал, — там явно что-то было, но Джен чётко дала понять, что мне не нужно об этом знать. Если это не касается нас всех, это её дела.

— Значит... мы просто возвращаемся в школу, получается? — сменила для меня тему Джен, на которую я с благодарностью перепрыгнул:

— Да. Просто будь нормальной. Не то чтобы ты когда-то была.

Джен в ответ ударила меня в плечо:

— Ты можешь лучше.

Я рассмеялся:

— Дай мне пару дней, я верну все плохие шутки.

Джен ухмыльнулась. Казалось, мы возвращаемся в норму. Ещё пара толчков, и, может быть, мы сможем съехать в полную обыденность.

— Итак, что хочешь завтра на ужин?

— Не знаю. Чего тебе хочется?

Я пожал плечами:

— Почему бы завтра не сходить в продуктовый после школы и не придумать на месте? Можем взять всё что захочешь.

— О-о, я могу этим злоупотребить, — у Джен на лице возникла коварная улыбка, но я имел в виду именно то, что сказал.

— Злоупотребляй сколько душе угодно. Это особый случай.

— День возвращения плохих шуток?

Я рассмеялся. Возникло тёплое и уютное чувство, как будто солнце взошло из тьмы. У меня уже долгое время не было поводов для смеха.

— Точно, пускай будет так.

— Что, ответьте мне пожалуйста, вы там делаете? — донёсся из коридора сонный голос, за которым последовал щелчок входной двери. Наконец наша мама зашла на кухню, и лицо её выглядело так, будто оно готово растаять от усталости. Глаза у неё были запавшие и сонные, при том она опиралась на стене. Мама скинула сумку на пол.

— Мама! — Джен вылетела с места и рванула к маме, обхватив её медвежьей хваткой. Я остался наблюдать за ними с места — но, на самом деле, в тот момент чувствовал ту же радостную реакцию, что и Джен. Раньше я не особо любил обниматься... но сейчас всё совсем по-другому.

— Что происходит?

— Ничего, мама, — ответила Джен, и, как только она оттянула лицо, я увидел собирающиеся у неё в глазах слёзы. — Просто рада тебя видеть.

— Что-то случилось? — у мама широко раскрылись глаза, она стала настороженной и подозрительной. При всей её усталости, сама возможность того, что с её дочкой может быть что-то не так, вернула её в жизнь. Качество, которое я в определённый момент начал замечать во всех троих из нас, — прилив адреналина и гипер-внимательное состояние, которые мы все освоили. Мама, прямо как и мы двое, была готова ко всему, хотя могла свалиться с ног в любой момент.

— Ничего не случилось, мам, — ответил я. — Мы просто ждали, когда ты вернёшься домой. Я не смог уснуть.

Она нахмурилась, но, после того как мы оба её заверили, её усталость начала побеждать адреналин, а глаза снова стали закрываться.

— Ладно, Мэттью. Если ты так говоришь.

— Мы в порядке. Думаю, нам всем пора спать.

— Мам, давай, — добавила Джен. — Я помогу тебе подняться.

— Спасибо, Дженни. — Я и забыл, что семь лет назад Джен всё ещё называли Дженни. Она давным-давно решила, что ненавидит это прозвище. Пока Джен полунесла нашу маму обратно в коридор, она повернулась и устремила на меня переполненный болью взгляд. Я усмехнулся:

— Спокойной ночи, Дженни, — обратился я. Она закатила глаза, следом повернувшись к лестнице, вместе с мамой начав взбираться.

Я прибрался после нашего перекуса, убрав молоко и выкинув пустую коробку из-под печенья.

По правде, мне сильно хотелось в школу, как бы безумно это ни звучало до переноса. Всё-таки там у меня друзья, с которыми я не разговаривал почти десять лет. Вернуться к занятиям может стать немного сложнее. С трудом могу вспомнить, в какой комнате какой урок и где мой шкафчик. Придётся довериться тому, что мышечная память отведёт меня в нужные места.

Я смогу сделать это. Должен сделать это. Я смогу вернуть свою жизнь в нормальное русло только в том случае, если никто не догадается, что произошло. Сиравейл в прошлом, и, если на то будет возможность, останется там. Навечно.

Я выключил свет и пошёл к своей комнате, по пути увидев, что Джен тоже потушила лампочку. Закрыв за собой дверь, на этот раз я сумел избежать злосчастного щелчка и заполз в кровать. Усталость вернулась сторицей, почти сразу же погрузив меня в сон, но одно противное воспоминание силой вырвалось на поверхность, не дав мне заснуть, пока я не вспомнил все его детали.

После того, как мы заключили пакт, ведьма рассказала мне тайну. Секрет, что я спрятал глубоко в душе и который не посмел раскрыть никому. Она рассказала мне, как нам вернуться в Сиравейл.

Клянусь жизнью, если на то будет возможность, я никому из нас не дам больше увидеть эту проклятую землю.

<http://tl.rulate.ru/book/75332/2403523>